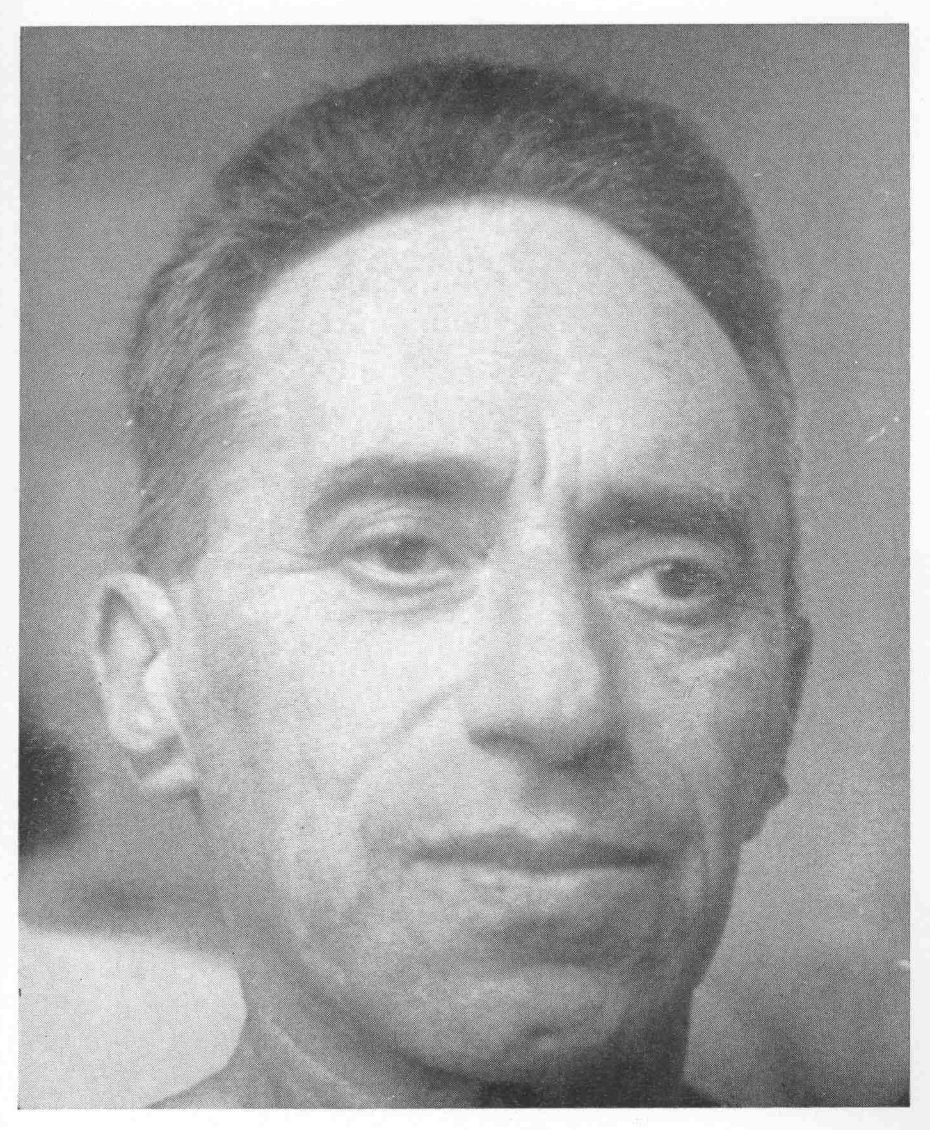
АЛЕКСАНДР ГИНГЕР

СЕРДЦЕ

СТИХИ
1917—1964

ПАРИЖ
1 9 6 5

Снимок Якова Шапиро 1965

Памяти двух женщин,
к которым применимы слова Рамакришны:
Мужчина не может осуществить себя,
если у него не было
замечательной матери и замечательной жены.

СЕРДЦЕ

АЛЕКСАНДР ГИНГЕР

СЕРДЦЕ

СТИХИ
1917—1964

ПАРИЖ
1965

Элегическое двустишие

Будешь ты помнить подругу, которой *на память* дарил ты;
скоро забудешь о той, чьи засушил ты цветы.

Лоно

Просительной не простираю длани.
Покорно полузакрываю вежды.
Ведь гордость нищих — избегать надежды
и сила немощных — не знать желаний.

Я думаю что росам на поляне
приятно увлажнить мои одежды.
Любезен шаг смиренного невежды
тишайшим травам — нежности гуляний.

Благоуханная! коленосклонный
вернулся скуден к матернему лону.
Трепещет сердце, предвкушеньем радо.

Уста горят блаженным вожделеньем.
От ярых мечт — пречистая ограда! —
избавлен я земли произволеньем.

Тишина

Всходила скользкая луна,
вода ползла по гладким стеклам
и надвигалась тишина.

Недвижный сон дышал тобой.
Был тусклый вечер, мрак печальный,
часов суровых ровный бой.

Был смутный час, еще шумящий,
уже чреватый тишиной.
Ныл ветер легкий, зов щемящий.

В тиши беззлобной, безобидной
развеял сны — так ты ясна —
твой шаг невинный и невидный.

Славный стол

В те дни когда я был еще моложе
и совершеннолетья не достиг
познал я радость не на тесном ложе
и не в пыли библиотечных книг.

Не за товарищескими пирами
где алкоголь расстраивает речь
соединял я вечера с утрами
не чувствуя потребности прилечь

но между лиц бесстрастных нарочито.
Уставлен столбиками славный стол
и вмиг надежда гладкой картой бита
иль вдруг бедняк богатство приобрел.

Забавен дьявол винной батареи!
Его походка валко-весела,
отравен дых, и смех его острее
чем режущая дерево пила.

Но игроку противно охмеленье,
над ним безвластно нищее вино
зане игра не терпит разделенья
и сердце ею закрепощено.

Ее рабы свободны от соблазна
дурных ночей что портят цвет лица
когда глаза блистают несуразно
и перебойно мечутся сердца.

Пусть пышный кон включил большие счеты —
невозмутимо сердце игрока
и безразличен голос банкомета
и не дрожит сдающая рука.

О только тот достоин уваженья
и между братий мужественно прав
кто лишнего не сделает движенья
отчаянную ставку проиграв...

Спокойствием наставницы холодной
мой бедный крик приятно заглушон
и жребий мой медлительно-бесплодный
и зависти и жадности лишон.

В делах и днях небрежно-равнодушный
я научился с молодой поры
рок низлагать покорностью послушной
и не жалеть проигранной игры.

Корабли

Сколько б нам ни говорили худа
о стране соединенных звезд —
все ж она прекрасна, и оттуда
к нашей славе перекинут мост.

Путь побед над синей глубиною —
для наживы, для земной мечты!
Оголтелой страшной матроснею,
Новый Свет, был открываем ты.

Неудачникам и проходимцам
ничего не надо вспоминать;
им тянуться к даровым гостинцам,
их кибиткам травы уминать.

Вот они уходят к жизни новой
и от нищеты и от суда,
капитанов яростное слово
их грузит на зыбкие суда;

и подонки европейских обществ
хриплым гамом полнят корабли —
люди-волки с кличками без отчеств,
пионеры девственной земли.

Понутру им здесь обосноваться,
поплечу им и вставать чуть свет
и рубить и петь и напиваться.
Новым людям будет Новый Свет

колыбелью новой, новым гробом.
Их стадам на западе пастись,
на востоке чудо-небоскребам
из гранитной почвы вознестись.

Сочно всходит семя иммигрантов —
атлетические богачи;
набегают волны эмигрантов,
молот возводительно стучит.

Там восторгнут факела румянец
и туда отчаянный бежит:
бледный швед и бедный итальянец
и гонимый варварами жид.

От ярма помещиков веселых,
от обиды бешеных владык
уплывает стадо переселов
на другую сторону Воды.

Спокойствие

Я думал прежде что необходимо
надеяться и много говорить
и радоваться или быть любимым
и злобствовать и жизнь свою творить.

Но вдруг заметил что несносна давка
случайной и посредственной игры.
Я обойден у пышного прилавка,
мой стук неюрок, ногти неостры.

Назначенные выпадают кости,
прядется сладкий, дивно прочный лен
и не испытывающему злости
завидный выигрыш определен.

Дурному плену должно расковаться.
Мне милое блаженство суждено.
И мне ли тешиться и бесноваться:
я буду спать доколе спать дано.

Дуня

Когда не любишь Евдокию
и не стремишь ко ней мечты
и спросит кто-нибудь: какие
испытываешь чувства ты? —

немедленно и откровенно
ответствуй: О она светла,
ее люблю до крови венной,
до слез, до смерти и до тла. —

Когда же страстью воспаленный
ты изнывал и даже чах
и плачешь ты на грядке ленной,
на огородах, на бахчах —

непроницательный наперсник
тебя конечно вопросит:
скажи поправде, тезка-сверстник,
ты любишь дыню, горе-Сид? —

тогда уверенно и звонко
вдруг смехом грянешь, смехом вдруг:
Овдотью? — отопрешься: вон-ка!
Да ты в уме ли? — Вон из рук.

Солдаты

Ох солдаты днями и ночами
лишены привета и жены
а мешки за трудными плечами
беспардонно перегружены.

Много легче подвиг офицерский:
налегке шагает господин.
Все ж от раны полевой и зверской
не упрятан честный ни один.

Но бывает отдых в душных маршах
на путях маневров и войны
и солдаты по команде старших
закурить, оправиться вольны.

Или — исторические даты —
приступом берутся поезда,
по домам расходятся солдаты,
на балконах флаги в городах;

и расставшись с акуратной скаткой
и шинель надевши врукава
с Пенелопой свидится — солдаткой —
демобилизованный Иван.

И не так ли в платьице кисейном
офицерова невеста ждет.
Он вернется — звоном карусельным
музыкальный ящичек пойдет.

Пусть раздастся тонок и нахален
голос канареечный (поют!)
чтоб семейственно-патриархален
стал возобновившийся приют.

Уцелевшим в действиях убойных
трижды вожделенны очаги.
Помяни безвременно-покойных
и о них не плакать не моги.

Хиромантия

Небрежно ли, нарядно ли одеты,
в мундир или в халат облачены —
мы неизбежно мечены поэты
холмом Венеры и холмом Луны.

И неосуществимо мы мечтаем
о том что радостно и далеко;
так умираем и безбрежно таем
и Изабелин нюхаем платок.

Нам странен инженеров белокурых
уверенный несокрушимый глаз
что речь помещика о пестрых курах
для тех кто был в деревне мало раз...

Иным — Юпитер, покровитель гордых:
заведует завидной их судьбой,
селит пред ними страх в покорных ордах
блестящий царь Юпитер громобой.

Другим Сатурн приносит груды денег,
премягко устилает их стези,
у них пророс цветами грубый веник
а наш без листьев как ни егози.

Они венцом венок обрящут каждый
а нам несчастным грустно нет травы,
волшебный ключ владеет ихней жаждой,
для нас пребудут высохшими рвы.

А Аполон с противной старой лирой
отнюдь не наш, он музыкантам отц.
Они форсят пред Кирой или Ирой,
они играют очень много нот.

А торгаша Меркурий быстроглазый
мизинцем под конечно приютит.
Что ж в этой жизни надо быть пролазой
и хорошо тому кто Китыч Тит.

Тебе же, Марс, поклон без мысли задней,
твой низок лоб но вот пряма спина,
кто скажет хам что мир войны повадней
того ногою следует пинать...

Но нам поэтам эти горки чужды,
для нас горбы Венеры и Луны.
Не по его делом ли коемуждо
прогулки, льды и судьбы возданы.

Песок

Хотя невеста на вокзале
в буфете так была бедна
что некоторые казали:
смотрите как она бледна! —

и в коридорчике вагонном
лобзая губы, руки жмя
все унывала пред прогоном:
скажи, ты не забудешь мя? —

свисток безапеляционный,
путь полотняный и песок.
Тоски последней станционной
засыпаны и ток и сок.

Ты видишь маленькие кровы
людей, живущих по краям,
и пропитание коровы,
и лошадей у края ям.

Шаг паровозный, шум тревожный
по брегу рек (и Ок и Кам)
а также славный мелкодрожный
лесок пришпальный по бокам.

Железным и дорожным свистом
начальник рявкнул: вам ползти. —
И ты повенчан с машинистом.
Крути, Гаврила! Нам пора.

Надежда

Для смертного ужасней часа нет
как одинокий час преднощный.
Все умерло кругом, погаснул свет,
гул улицы затихнул мощный.

Лишь он один еще живет, но сон
его придавит полновесно
и может быть уж не очнется он
для завтрашней юдоли тесной.

Ребенок плачет перед сном, затем
что круга не осознавая
уйти боится из привычных стен
в ночную неизвестность рая.

И только материнская рука
боящегося безопасит.
Рок отступает от земли, пока
осуществляется причастье.

Так смертному скитаться по ночам,
и в круге предопределенном
смерть предстает испуганным очам
бессонницами воспаленным.

Но есть спасение судьбе земной
        подверженной ночным тревогам
пред наступлением судьбы иной
        грозящей за ночным порогом:

отвергнут рок, и одинокий страх
        сражон любовью сопричастной.
Рука в руке. Душа о двух сердцах
        встречает ночь с улыбкой ясной.

Объяснение

Не понимаешь, ты не понимаешь
лесов и слов и сот и воркотни,
закутываешься и поднимаешь
задумывающийся воротник.

А силы что? я говорю про силы
которые присущи Богу сил.
Ты уходила, ноги уносила
как вечный спич герой произносил.

Прости, прости когда сухой метелью
всесильные поля запружены.
Ты будешь виноградом или елью.
Любви глаза женой загружены.

Запряжены стальные молотилки,
заряжены презренные стихи.
Меня знобит на небольшой подстилке,
отставку подразумевает стих.

Меня знобит и может быть последний,
последний раз перед тобой валюсь;
внимай призыв, неточный но последний:
последний раз перед тобой валюсь.

Знать не хочу и ничего не знаю
но ничего и ты не знаешь, ты;
покорный воск на потолок роняет
мои следы без всякой красоты.

Леки

Но вежливые фаталисты
не млеко пьют и не вино.
Неимоверной силой истой
спокойствие душе дано.

Потом скажу об этом млеке,
вине об этом я скажу.
Пусть, жидкости, вы оба леки
но отдыха не нахожу.

Пусть мера есть долготерпенью
но меры нет любви, любви.
Ее не злом, ее не сенью
да и никак не назови.

Я говорю с моей судьбою
наедине, опять, опять.
Я говорил с самим собою
разов пожалуй тридцать пять.

В руке с четырехстопным ямбом,
в груди с огнем но без греха
приближусь я к жестоким дамбам
вовек не лгущего стиха.

Какие строки или знаки
мою любовь избороздят,
каких полей какие злаки
признание изобразят?

Так молоко хотя оставит
след на губах как у детей,
вино хотя труды заставит
великих множеством затей —

долой, мои воспоминанья!
Тебя, судьба, одну тебя
люблю которой нет названья,
которую умру любя.

Луна

Стисни губы, воин честный,
сердце верой ополча.

На равнине крайней славы
под светилом ясных дней
жги Диане среброглавой,
празднуй деве, знай о ней.

Только стройной хоть жестокой
предоставь любовь свою,
льва руки и птицу ока
за нее сложи в бою.

Лейся лейся надо гробом
самовольная луна
с белым белым гардеробом,
с волосами изо льна.

Иль над легшим станьте лестно
два Астартиных меча.

Маяк

Всей душой полюбила душа моя
тех кто ходит в чужие края,
кто и за-гору ходит и за-море,
для кого и закат и маяк;

для кого поселянка румяная
исходила парным молоком,
в ком разгуливала безымянная
кровь, а сердце большим молотком;

от кого рассыпается в ужасе
зеленное зверье по тайгам,
чьей рукой основательно тужится
безошибочная тетива.

Посмотри блудный сын возвращается
весь в репейнике и бороде,
только пес признает и ласкается,
чуден странник для глупых людей.

Я привет под испорченным зонтиком
голоском восклицаю скопца
мореплавателям и охотникам,
путешественникам и борцам.

Рубашка

Я считаю что я недостаточно смел
и что это большой грех,
и поэтому смелым раздать готов
весь запас дорогих венков.

Не вдаваясь в оценку флагов и слов,
в рассмотрение партийных основ,
я всегда утверждал что всегда хороша
мускулистых шей краснота.

А когда спасения больше нет
надо чистую рубашку надеть
чтобы там не нашли что в смертный час
позабыл человек чистоту.

Анне Присмановой

Для вас пишу любя и нарочито
в прямом доверии и в простоте.
Читайте тридцатипятиочито
хоть этот почерк и осточертел.

А там стихопечатальной машиной
которой век пороги обмелил
смят почерк этот чисто камышиный,
побит свинцом и стерт с лица земли.

Глядите верно — ведь еще возможно
пока набор писца не оборвал:
я друг — и твердый и еще не ложно —
еще не холощеные слова.

Слезы

Есть слезы счастья: той достойной влагой
глазам родительницы изойти
когда вернулся сын, служивший флагу
своей страны на Марсовом пути.

А слезы горя! Гнутые ресницы
покинутой супруги — их приют.
Так, в жизни двух — единство только снится,
его достигнуть судьбы не дают.

О третьи слезы... Но молчи об этом:
о преисподней — о слезах стыда,
о жалком зле, нераз тобою петом,
об этой ране, свежей навсегда.

Сердце

Недостойному, мне ли пристало
о великом, о тайном начать?
Но об этом душа зашептала
и об этом нельзя умолчать.

Не уйду от тебя никуда я,
ненасытная совесть моя.
Некрепка моя вера худая,
маловерная вера моя.

И когда бы чужое насилье
повелело: покинь, отойди —
я бы сбросил духовные крылья,
сердце выбросил бы из груди.

Оттого-то, в последний быть может
я скажу о духовных делах.
Ведь и вас это дело тревожит,
ведь и вас посещает Аллах.

В мире наших ужасных волнений,
в море яда, в чугунном бреду
преклоняю старинно колени,
славословлю, поклоны кладу.

Вас приветствую, слабые храмы,
сад единственный в пропасти зла —
острия католической Дамы,
православных церквей купола;

мусульманский высокий обычай:
чистым сердцем и чистой пятой...
Бейся, сердце, от разных обличий
человеческой веры святой.

О святая святых синагоги!
Если б я среди набожных рос
я бывал бы в печальном чертоге
очистительно-жалобных роз.

Нет, я вырос без церкви, без быта.
Как же стало что с каждой весной
очевидней, сильнее открыта
глубина, ширина надо мной?

Неужели до самой кончины
буду я не оставлен тобой
и тобой награжден без причины,
дивный воздух, покров голубой?

Сколько радости было дано мне!
Эти сорок счастливейших лет.
Не бывает удача огромней,
не бывает блистательней свет.

Хоть мученье, позор и увечье
на меня бы теперь низошло —
совершилось мое человечье
незаслуженное ремесло.

Как безумно, как страшно, как дико
Сердце мира вполне возлюбить;
жадным волком, собакою дикой
перед смертью об этом провыть.

Потому что не скажется словом
безграничное поле любви:
снежным пламенем в небе свинцовом,
разложением в смертной крови.

Солнце

Отец мой солнце, я с тобой сегодня
        лицом к лицу —
к тебе влекусь любовней и свободней
        чем сын к отцу.

Ответственную клятву полагаю
        к твоим ногам —
отец мой солнце, покровитель гая
        и птичьих гамм.

Зовет меня, но тщетно, воля злая
        людей чужих.
Им не желаю ни добра ни зла я,
        не вижу их.

Каким щитом возможно оградиться
        мне от себя?
Сгореть в тебе, в тебе переродиться
        тебя любя.

Звенит сирень запущенного сада,
блестит пчела,
уходит прочь житейская досада,
земли дела.

Я отступлю в стремительное лето
от суеты.
Пребудь со мной, родник тепла и света —
ты, отче, ты.

Мания преследования

Так лечат душу: выскажи скорее
насильно вслух необоримый страх —
и рухнет он подрубленною реей,
сойдет с пути и обратится в прах.

Стихотворительное одержанье,
язык богов, гармония комет!
Бессонный клин, сознательное ржанье
моих разлук, моих плачевных смет.

О том что знаю и чего не знаю,
перо, тебе докладываю я.
С тобой теперь поминки начинаю
по злой тревоге моего житья.

Боюсь других в моем уме бессильном
хоть и они хлопочут точно я
подобные оплеванным рассыльным
на площади рябого бытия.

И вот во мне поет моя обуза,
внутри грохочет мания моя
и мелкий шар как сердце тонет в лузу
подстреленное властию кия.

Смотри меня через очки незрячей
могучей беспорядочной любви;
твоей души горячей ключ горячий
себе на помощь страстно призови

и подари меня любовью нужной,
преследовательный разбей недуг,
страх расколи рукой доброподружной,
заботливым рисунком бровных дуг.

Три страсти

Три страсти есть которыми отвека
уничтожается дом человека.

Вот Богом проклятые имена:
плоть женщины, плеск карт и пар вина.

Спасайтесь, вышибайте клином клин,
лепите дух в противоборстве глин.

Брось женщину, подумай об ином,
осуществи забвение вином.

А ты, вино, осенней стужи друг,
минутное забвенье горьких мук

отступишь перед женскими плечами,
отступишь перед женскими ночами.

Так с любострастьем борется вино,
сим чашам равновесье суждено.

Но всепобедная встает игра
быстрее мух, острее топора.

И третья страсть играется врагами.
И в жадном сердце дикими лугами

распространяется Шестерка Пик
стальней мечей и тверже статных пик.

Птицелов

С ладонью ищущей, с открытым лбом
я подошол к немилосердным дням.
Стучусь тик-так, стучусь бим-бом:
не впустите ли вы меня?

— Ты птицелов а мы богатых ждем,
богатых духом или кошельком.
Ступай скорей в Господень дом,
ляг в уголок слепым комком.

Не колонад обманчивый устой,
не портиков позорная резьба:
храм подлинный есть дом простой,
без красного угла изба —

приют последний, страшная страна,
пристанище божественной души,
пустое как сама она
иль как без сердца камыши.

С тобой да будет Повелитель сил,
прошений не приемлющий вовек. —
Дней словеса я оросил
горохом из-под теплых век.

И я бежал и был освобожден:
без сердца днесь — о радость, господин! —
для нового житья рожден —
        с тобой, с собой, один.

Перстень

1

О нехорошем горе несуразном
ломаем перья, голосом поем.
Но как сказать о счастье безобразном,
о счастье патетическом своем?

И не моими ль рыбьими словами
изобразить веселые дела:
как божий раб куражился над львами,
как совесть закушала удила;

как лещ сигая по водопроводу
рапортовал и плакал впопыхах
а сонмы туч пошли, шумя про воду
и дождик пал и шолком садик пах.

Не забывайте перстень Поликрата:
ведь незабвенная моя душа
вконец раздета, брошена двукраты,
а вот вернулась, тяжело дыша.

И вот она без надоедной тины
и несказуемо упрощена
как *отоприте* блудного детины,
как вмиг раскаявшаяся жена.

Сказать о всем претрудно и невремя.
О ненавистная, ложись душа!
Взвали на грудь возлюбленное бремя
и вновь прижми — не спя но не дыша.

2

Не думайте чтоб добрые деянья
всегда бывали вознаграждены.
Нет, не всегда сторицей подаянье
возмещено старателям денным.

И не всегда за преступленье кара
на провинившегося с небеси
дабы поползновения Икара
подтаяли и сверзились без сил.

Разочаровывают справедливых
Фемидины сокрытые глаза.
Обычный суд пожаловал счастливых
презрительность несчастным оказав.

Клонитесь, ивы гибнущего мира,
раскапывайся, тощая руда.
Скажи, диалектическая лира,
о неосуществившихся трудах.

Воркуй нежней, родная голубица,
метрическая грустная игра.
Поет кларнет, гармония клубится,
развертывается большой парад.

Восходит лес, любовно возращенный,
в кустах перекликается добро,
блестит на пальце перстень возвращенный,
слагает крылья посрамленный рок.

Факел

Эстафетный бег являет взорам
зрелище которому найти
невозможно равного; с которым,
муза, не тебе ли попути?

Муза, ты бродячему сюжету
передачи факела верна.
Если ты о жизни скажешь свету —
об огне ты говорить должна.

Наши нам назначены стоянки,
точные намечены места.
Под пятой зеленые полянки,
над челом святая пустота.

На местах законно неизменных,
на песках дорожки круговой
бегуны команд четверочленных
думают о славе груповой.

И когда по звуку пистолета
выпущена первая стрела —
в кулаке зажата эстафета:
плотный пламень, дружные дела.

Впереди же, руку приготовя
поджидает вполуоборот
переемщик, полный свежей крови,
взгляд назад а тело наперед.

У того который в беге ныне
гром в висках; в мутящемся мозгу
мысль одна оазисом в пустыне:
я дойду, сойти я не могу.

Он бежит, совсем уже кончаясь,
припадая к матери сырой;
и молчит, почти совсем отчаясь
зрителей сочувствующий рой.

Нет: другой, сосредоточь вниманье,
твердый светоч ловко получи,
таинство сверши перениманья...
Замолчи, о муза, замолчи!

Из груди до горла — сердце наше
радости решительным броском,
слез неупиваемая чаша —
из груди до горла, быстрый ком.

На траву он валится, распятьем
руки он раскидывает; в гроб
он стремится к теплому разъятью
земляных и гнилостных утроб.

Все мы гости праздника земного,
в землю мы воротимся домой.
Торжеству квадратная основа —
я, мой сын, мой внук и правнук мой.

Я хочу тебя увидеть, правнук,
не хочу я скоро умереть,
мне бы жить примерно, жить исправно
чтобы очень медленно стареть.

Век хочу исполнить Тицианов,
девяносто девять здешних лет;
если ж надо мне покинуть рано
этот глупый но приятный свет —

не прошу я горя после жизни,
умоляю: траур упраздни;
легким смехом на обильной тризне,
шумом театральным помяни.

И когда я буду за барьером
честь воздайте мне ядром, шестом
и копьем и диском и барьером
даже в поколении шестом.

Я тебя люблю, благое лето;
хорошо что не умрешь со мной.
Я сойду отдавши эстафету
новым слугам прелести земной.

Шар

Начто нам чудеса! Когда б ослепли мы,
когда бы слышать перестали —
мы к бурям бы рвались из медленной тюрьмы
и о пожарах бы мечтали.

Но несказанный шар сейчас осветит нас
и знак подаст; и звуки встанут.
И будет слышать слух и будет видеть глаз
а ночь и глушь в могилу канут.

Каких чудес желать? Ведь их не может быть:
они уже у нас и с нами.
О том чтоб не заснуть. О том чтоб не забыть.
О том чтоб не забыться снами.

Весть

Ознобов и бессонниц тайных
нас утомляет череда
сцепленьем слов необычайных
не оставляющих следа.

Средь ночи добровольно пленной
при поощренье щедрой тьмы
мы пишем письма всей вселенной,
живым и мертвым пишем мы.

Мы пишем как жених невесте,
нам перебоев не унять,
чужим и дальним шлем мы вести
о том чего нельзя понять.

Мы прокричим но не услышат,
не вспыхнут и не возгорят,
ответных писем не напишут
и с нами не заговорят.

Тогда о чем же ты хлопочешь,
тонический отживший звон,
зачем поешь, чего ты хочешь,
куда из сердца рвешься вон?

Газела

Всем привет! мудрец не знает ничего,
опыт нам не прибавляет ничего.

Время льется как холодная вода —
не дает, не отнимает ничего.

Солнце всходит и заходит, день исчез;
человек не понимает ничего.

Месяц всходит и заходит, день настал;
человек не вспоминает ничего.

Лжот язык любви, хвалу выводит льстец;
слово лжи не объясняет ничего.

В этих бейтах злую правду видишь ты;
ах! и правда не меняет ничего.

Слушай, слушатель! назойливый редиф
ключ всего тебе являет: *ничего*.

Угол

Незаслуженное чудо
ожидает за углом
тех которым очень худо.
Обогни стоячий дом.

Усмири тревожный трепет
в шумной и большой груди.
Удержи сердечный лепет.
Темный угол обойди.

Воцари в спокойном сердце
золотую пустоту,
победи в пустынном сердце
кровяную суету.

Темный угол, угол дома
обойди и обогни.
Грянули раскаты грома,
вспыхнули его огни.

Тем которым было худо
стало просто и светло.
Неожиданное чудо
не случиться не могло.

Утро

Теките, сутки. Просыпайся, спящий,
ценою тишины волнение купи.
В котел денной, обидами кипящий
доверчиво вступи.

Да, этот свет и этот шум прекрасны
затем что видишь ты, затем что слышишь ты
покинув мир небесный но неясный
покоя и мечты.

О счастие берущих и дающих,
тех кто опять не слеп, тех кто опять не глух,
неверующих или верующих;
о зрение и слух!

Седмижды на неделе воскрешонный
благодари, благодари, благодари
за новый шум, средь ночи предрешонный,
за новый свет зари.

И утренних наплыв недоумений
сознательным умом в груди останови.
Вставайте, дни — высокие ступени
уверенной любви.

Доверие

Как жалок лепет слов твоих напрасных
в беспомощных молитвенных стихах,
как жарок ворох роз приснопрекрасных
в твоих руках, в чахоточных руках!

Сюда, Тереза, умершая рано
мне смертному на помощь поспеши;
явись благоприятною охраной
в ночи, в ночи, во мгле, в глуши, в **тиши**.

Под сводами томления ночного
все прошлое и пусто и темно.
Но иногда блаженной *вестью новой*
воображение потрясено.

И в каждом вздохе, сердца в каждом **бьенье:**
сюда, Тереза! ворох роз, сюда!
Проходят дни, растет уединенье,
встает гора греха, труда, стыда —

но ты, чахоточная королева,
пребудь с рабом, к слепому низлети,
оборони от грусти и от гнева
и руку горя властно отврати.

Светит месяц

Дочь моя живет в Лизгоре,
с мужем ей не скучно там.
А навязчивое горе
ходит по другим местам.

Бестелесно но костляво
и косой ополчено,
всюду близко, вечно право
прочно царствует оно.

Истощились наши силы,
страха нам не победить.
Мертвые легли в могилы
приказав недолго жить.

Братья, сестры! Перед этим
жалким ужасом земным
станем мы подобно детям,
руки мы соединим

и не плача и не споря
будем верить чудесам.
Тварк ушол давно уж в море,
жив иль нет узнаешь сам.

Сестра

Не говори как все: одной не миновать,
двум не бывать. Не две — неисчислимо много.
Отряд живых смертей с тобой шагает вногу.
Забудь. Не вызывай. Страшись именовать.

Пока твоя болезнь тебя не обняла
как сладострастница которая потушит
твой пыл, умрет сама но и тебя задушит —
справляй в молчании привычные дела.

Не думай об ее коварных западнях.
Твоим житейским дням довлеет жизни злоба.
Не зная друга друг перемогайтесь оба.
Бок о бок с ней живи в неблагодарных днях.

Ты знаешь, мы в бреду и все туман и страх.
Но празднуй всем богам за то что ты не болен,
что ты еще здоров, еще свободоволен
и к небесам взлетать и опускаться в прах.

Она уже с тобой хоть не пришла пора
тебе ее познать и с ней соединиться —
намеченная тень, враждебная близница:
болезнь предвзятая, безмолвная сестра!

Зрение

Среди полета и паденья
уравновешивая путь,
неукоснительного бденья
прямым хранителем пребудь...

На склоне зрелости срединной
годов утраченных не жаль.
Назначен глазу опыт длинный:
слабее вблизь, сильнее вдаль.

Не так же ль в зрении сердечном
есть возрасты и времена?
Все переменно, все конечно
и жизнь поразному смутна.

Но постоянно умозрима
упокоительная ночь.
Случайное проходит мимо,
условное уходит прочь...

Дела отчаянья и розни
бесповоротно отмети;
ревнуй о том чтоб к смерти поздней
с бесстрашным сердцем подойти.

Тибетская песня

Хвала вам, шесть концов: Восток, Юг, Запад, Север,
Зенит, Надир;
пусть будет мир для всех: для ангела, для зверя
пусть будет мир.

Я одолел подъем дороги нетенистой —
вот верх горы;
привет вам, шесть концов, с вершины каменистой
земной коры.

Как все кто до меня стоял на перевале
я вниз гляжу;
пред спуском — как и те что здесь перебывали —
я положу

на кучу камень мой. Хвала живущим, жившим
вблизи, вдали —
на грани облаков свой камень приложившим
к трудам земли.

Кровать

Пока еще ты блещешь в небесах,
пока живешь — еще живу и я.
О сильный друг, стоящий на часах
коротких дней! отец и мать моя!

Когда-нибудь придется умирать.
Мой правнук, будь со мной на склоне дней.
На солнце выставь смертную кровать
и с ней меня, лежащего на ней.

IMPRIMERIE BERESNIAK
18-20, rue du Faubourg-du-Temple
PARIS-11e